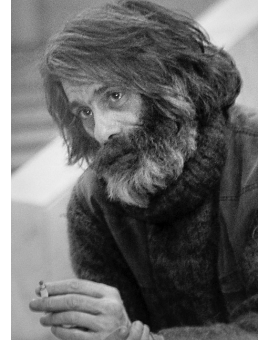

Поэзия плюс

ВИКТОР КРИВУЛИН

Поэт, эссеист

Родился в 1944 году в Ворошиловградской области, где проходил 3-й Украинский фронт, в семье генерала и фронтового врача. Литературой начал заниматься в клубе «Дерзание» при Ленинградском дворце пионеров, затем в кружке Д. Я. Дара. Окончив филологический факультет Ленинградского университета, избрал путь литературного подполья. Один из немногих поэтов нового поколения, кто дерзнул представить своё творчество на суд Анны Ахматовой. В 70-е годы — один из самых заметных деятелей российского литературного самиздата. Редактировал журналы «37», «Северная почта». Первый лауреат альтернативной литературной Премии Андрея Белого в области поэзии (1978). К началу перестройки его произведения были изданы только на Западе. В 90-е годы увлёкся политикой и общественной деятельностью. Был членом редколлегии журнала «Вестник новой литературы», вице-президентом русского отделения «Пен-клуба», много сотрудничал как публицист с немецкими газетами, став одним из самых переводимых русских поэтов. При жизни было издано десять книг. Умер 17 марта 2001 года.

Олегу Охаришу -
с любовью
и в знак дружбы
В. Кривулин
30.4.88.

Набережная реки Пряжки

Плыли полотняные фуражки.
Беспогонные гуляли кителя.
И меня пугали набережной Пряжки,
где кончается н о р м а л ь н а я земля.
Там гниют почтовые фургоны,
вогнанные в почву до плечей,
и над речкой закопчённой
одурелый свищет угорелый соловей.
Там — рассказывают — белые халаты

вырываются из розовых окон
и над самой кромкою заката
кружатся, крича, со стаями ворон
смешиваясь, — а когда стемнеет,
опускаются на землю, столбенеют
и стоят, безумье затая,
проводя белыми глазами,
тихими пугая голосами
подгулявшего какого почтаря...

Чего мы не знали

Мы и не знали, что стихи стареют...
В кругу тостующих друзей
выстраиваются батареи
пустых бутылок, бывших новостей.
Вокруг лежит страна, где мы со стороны
и на себя глядим, и на своих сограждан,
прозрачные аж до голубизны,
становимся листом бумажным,
становимся чужим лицом...
Вернулся друг из Иудеи —
и день сегодняшний стоит позавчерашним
вокруг него. Пришёл не беглецом,
не беженцем — не воином, скорее,
из неизвестно кем проигранной войны.

Выставка «Графики США» в 1968 году

Н. Симановский.
Портрет В. Кривулина.
Бум., фломастер.
1990-е гг.

От символической весны,
парижской или пражской,
мы хорошо защищены
работающей пряжкой
того матросского ремня,
какой, — свистя и воя, —
обрушивался на меня,
внесённого толпою
куда-то... знает Бог куда...
Уже и не припомнишь.
Всё будто вышибло тогда,
когда я звал на помощь!

Шестидесятник

Лицо в оправе из волос.
 Очков железная оправка —
 и зренье слабое светлось
 к железной хватке волкодава.
 И вцепится. И, вырывая клочок
 из рясы шерстяного Мира,
 он обращает в потолок
 свои расширенные дыры,
 свою невидящую скорбь,
 свою вселенскую обиду —
 в надежде лечь под микроскоп,
 раздаться и уйти из виду,
 от невооружённых глаз
 туда, где на стекле предметном
 п р и б л и ж е н н ы м и видят нас...
 И что казалось незаметным —
 Оно Огромным Делается вдруг,
 входя в Собор Естественных Наук,
 где верующий больше веры.

Утро на Яузе

В японских язвинах дождя,
 в заутреннем слабомолочном паре
 всё ввётся, ввётся Яуза, ведя
 сквозь нерабочий колумбарий
 промышленного кирпича...
 И мнится, будто я лечу
 на острие того луча,
 что забывает про Свечу,
 когда затушена свеча...

Реставрация

По н е в о л е типографской
 приказали наконец
 подновить печальной краской
 загородный праздничный Дворец.
 И когда унылый колер
 за решёткой разлился —
 стало жить как поневоле:
 как бы нужно, да нельзя.

Сирень наяву и на плёнке

Смутны свежевывмытые кисти.
Мокрые тяжёлые сирени
взяты как начерно, в экстазе...
Дача состоит из настроений
и прерывистой погоды.
В Переделкине и Комарове
доживает фетровые годы
лирика родной земли и крови.

Л. Симановский. Виктор Кривулин. Бум., кар., фломастер.
1973 г.

В резервацию усадебных мотивов
допускаются свободные слависты.
Разговор, коснувшись кооперативов,
достигает высоты заоблачного свиста...
А вот и госпожа с малиновым вареньем!
(Сарафан из Галереи Лафайета)
Этот? Пастернак... А рядом, в кителе военном, —
узнаёте?
Неоконченное лето —
именно такой останется Россия
в памяти родных и посторонних.
Электричка... Вечер... Амнезия...
Что это? штакетник временных построек
с ядовитыми вкраплениями витражной
ярко-фиолетовой клетчатки?
или на природе умирать не страшно
в самую теплынь,
когда, играя в прятки
с кабинетным полусветом,
полутьма растений, прущая снаружи,
о существовании бесследном
узнаёт, не обнаружив,
своего Садовника и Господина?..

Скоро въедут новые владельцы.
Включат видео — и оживёт картина:
дебри ностальгического детства,
мокрые тяжёлые сирени
на японской плёнке явственнее пятен
послесталинской лиловой светотени
за стеклом веранды...
Умерший писатель
это ли размытое цветенье
видел, приподнявшись на кровати
и переходя в иное измеренье?..

На празднике народном

Напрасно я на празднике народном
ищу мистериальный поворот
на красный свет, или назад к животным,
или в неведомый вперёд!

Мне повезло, в отличие от многих:
родители меня, больного, привезли
в столицу бывшую, откуда всех безногих
неслышно вывезли на самый край земли.

Пустынны улицы. Предчувствие парада.
Звук не включён ещё. Кого-то молча бьют
возле моей парадной — и не надо
и н ы х предутренних минут.

Я знаю, что прошла — пережита блокада.
Мы счастливы. Меня — я чувствую — возьмут
сегодня вечером туда, к решётке Сада,
где утоленьё голода — салют!

В начале жизни школу помню я

В начале жизни школу помню я.
Чтобы забыть её щ а с т л и в ы е уроки,
не хватит жизни. Школа и семья...
И волк за окнами — студёный генус локи.

Не знали голода. Но коридор высокий
сиял и плавился, и лысина плыла
директорская... Молоком козла
вспоённые года! Ключи мои, истоки

позднейшего небытия.

Пороли редко. Детские пороки
под форменной одеждой затая,
мы погружали щуплые тела

в Бассейн, где Жидкость ледяная,
где антарктическое крошево Числа
ненатурального — кружило, обжигая...

И век серебряный

И век серебряный, как месяц молодой,
над юностью моей сиял, недостижим, —
он модой был, искусственной средой,
он был игрой, в которую сыграем —

казалось нам — сильнее остальных!
Он был успехом, вызовом, затмением
собраний старческих и радостей свиных —
о н п р о с т о был — но чем его заменим

теперь, когда волна воскресших мертвецов
пошла на фантастическую прибыль,
а Жизни соляное озерцо —

как чешуя библейской Рыбы,
с лицом пересыхающим, без глаз,
откуда-то извне разглядывает нас.

А. Васильев. Тени русской культуры.
В. Кривулин. 1990-е гг.